

18+

Григорий Горяченков

10 дней из жизни Сталина

Григорий Горяченков
10 дней из жизни Сталина

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Горяченков Г.

10 дней из жизни Сталина / Г. Горяченков — «ЛитРес:
Самиздат», 2017

ISBN 978-5-532-11705-1

В сборник вошли очерки о малоизвестных или даже неизвестных и просто сфальсифицированных страницах истории Советского Союза и Российской Федерации. Несомненный интерес представляет очерк «Мечь обиженных» - рассказ, видимо, о невиданной в мире кампании клеветы, развязанной тысячами и тысячами советских интеллигентов – ученых, писателей, журналистов, крупных партийных работников - против одного человека – академика Т. Лысенко. Его - директора Института генетики Академии Наук СССР - десятки лет обвиняют в преследовании... генетики.

ISBN 978-5-532-11705-1

© Горяченков Г., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Десять дней из жизни Сталина	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Гр. Горяченков
Далекое и близкое

Десять дней из жизни Сталина 22 июня – 2 июля 1941 года

Несмотря на то, что в заголовок этих заметок вынесено имя человека, возглавлявшего в годы Великой отечественной войны Красную Армию и работу тыла, Коммунистическую партию большевиков, которая стала организатором победы советского народа в смертельной схватке с фашизмом, они – не о И. В. Сталине.

Эти заметки – о правде и лжи, вероятно, о беспрецедентной в мировой истории кампании клеветы. Клеветники, отечественные и зарубежные, вписывают в биографию И. В. Сталина любые измышления – было бы только погрязнее, позловеще. Одна из самых любимых ими тем – И. В. Сталин в первые дни войны. На рубеже 90-х ушедшего века неисчислимая свора антисоветчиков, в которой выделялись голоса бывших пропагандистских работников КПСС, день и ночь, если принять во внимание радиопередачи, обрабатывала массовое сознание. Миллионы людей оказались даже не в состоянии задать себе вопрос: а такое могло быть? Бесспорно, эта антисоветская акция, а она именно антисоветская, а не антисталинская, как это представляется на первый взгляд, дала ее организаторам столь блестящий для них результат потому, что началась еще в советское время, в условиях, когда ее инициаторов, уважаемых в обществе людей, мало кому приходило в голову заподозрить в заурядной подлости.

Комментаторы сборника документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне», подготовленного к печати Федеральной службой безопасности РФ и Академией ФСБ РФ, совершенно справедливо отмечают, что «зеленый свет» безудержному потоку антисталинских измышлений дал Н. С. Хрущев. За хвост выпущенной им грязной утки потом, во время «перестройки», уцепилось бог весть какое количество антисоветчиков – от трехзвездного генерала с двумя учеными степенями Д. А. Волкогонова до безвестных провинциальных шавок. Но хрущевские инсинуации в сознание советских людей стали внедрять еще лет за двадцать до «исследований» Волгонова и еже с ним. В самом конце 60-х годов писатель А. Б. Чаковский опубликовал растиражированный затем в нескольких миллионах экземплярах роман «Блокада». Он так описал душевное состояние Сталина и его поведение. Сообщение Молотова после встречи с послом фон Шуленбергом о том, что Германия объявила Советскому Союзу войну, «застало Сталина на его пути в дальний угол комнаты... он круто повернулся... Казалось, что Сталин сбился с пути, заблудился, потерял зрение. Он сделал несколько неуверенных шагов. Потом все так же, будто ничего не видя перед собой, подошел к столу и медленно, точно ощупью, опустился на свободный стул. Он сидел ссутулившись, опустив голову, положив на стол набитую, но так и не зажженную трубку.

...Потом, ни на кого не глядя, поникший, ссутулившийся вышел из здания, сел в машину и уехал в свой кунцевский дом.

Никто не знал, о чем думал Сталин в течение последующих нескольких десятков часов. Его никто не видел. Он не появлялся в Кремле. Никто не слышал его голоса в телефонных трубках. Он никого не звал... Что же делал, о чем думал этот, казалось, всесильный и всезнающий человек в те долгие, страшные часы? Об этом можно только гадать».

К сожалению, мы и сегодня не знаем в полном объеме о том, чем занимался Сталин в те дни. Но гадать, что делал и о чем думал Сталин «в те долгие, страшные часы», то есть в часы якобы самозаточения на кунцевской даче, не стоит. Таких часов просто не было. Все эти дни Сталин напряженно работал – и на даче, и, главным образом, в Кремле. А о чем он думал? А о чем думаем мы все, когда перед нами встают какие-то вопросы? О том, как их решить.

Выпущенную через три года после смерти Сталина утку «коммунист № 1», как иногда называл себя Хрущев, он затем «поселил» в своих мемуарах. В Советском Союзе их впервые опубликовал в 1990 году журнал «Вопросы истории». В них, в частности, есть такие строки: «Война началась. Но каких-нибудь заявлений Советского правительства или же лично Сталина не было... Сейчас-то я знаю, почему Сталин тогда не выступил. Он был совершенно парализован в своих действиях и не собрался с мыслями... Он находился в состоянии шока». Несомненно, для антисоветской поросли 90-х годов «воспоминания» Хрущева также стали источником клеветы.

Хрущев впервые выступил со своими обвинениями в феврале 1956 года. Это его выступление обычно называют – с умыслом или по неведению – докладом на закрытом заседании XX съезда КПСС. Это не так! Хрущев на XX съезде партии доклад о культе личности Сталина **не делал**. Он выступал с ним после избрания нового состава ЦК, который избрал его Первым секретарем. Когда была исчерпана повестка дня и делегаты съезда потеряли свои делегатские права. То есть он выступал не на заседании XX съезда партии, а перед его делегатами после окончания работы съезда. Если бы Хрущев осмелился выступить с этим докладом на самом съезде, перед выборами новых членов ЦК, то о дальнейшей судьбе докладчика, да, пожалуй, и Советского государства можно – воспользуюсь выражением писателя Чаковского – только гадать.

Доклад Хрущева был опубликован в СССР в 1989 году в третьем номере «Известий ЦК КПСС». Так что познакомиться сейчас с обвинениями Хрущева, подчас просто вздорными, нетрудно. Но выступление содержало «много запальчивых отступлений, не вошедших в распостраненный впоследствии... текст». Это воспоминание принадлежит консультанту, затем заместителю заведующего Отделом культуры ЦК КПСС И. С. Черноуцану: «Запальчиво и захлебываясь читал Хрущев... С особой ненавистью и ожесточением говорил Хрущев о Сталине. Он объявил его, впавшего в состояние глубокой депрессии, прямым и главным виновником поражения на фронтах в первый период войны... Никита с яростью кричал: Он трус, паникер. Он ни разу за всю войну не выехал на фронты».

По существу, Хрущев, не произнося этих слов, обвинил главу правительства Сталина в преступном бездействии, приведшем к тяжелейшим последствиям для страны. Сегодня многие из обвинений, с которыми Хрущев обрушился на Сталина в феврале 1956 года, а затем повторил в своих мемуарах, разоблачены как откровенная ложь. Первый серьезный удар по хрущевским измышлениям нанес в середине 70-х годов маршал Г. К. Жуков.

И все-таки клеветникам нейдет. Есть такой историк Г. А. Куманев, он сейчас академик Российской Академии наук. В изданной им в 2001 году книге «Рядом со Сталиным» опубликованы беседы с человеком, прожившим жизнь «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича» – А. И. Микояном, состоявшиеся в 70-е годы. Микоян у академика Куманева «вспоминает»: «В субботу, 21 июня 1941г., поздно вечером мы, члены Политбюро ЦК партии, собрались у Сталина на его кремлевской квартире. Обменялись мнениями по внутренним и международным вопросам. Сталин по прежнему считал, что в ближайшее время Гитлер не начнет войну против СССР... Мы разошлись около трех часов ночи, а уже через час меня разбудили: война! Сразу же члены Политбюро ЦК собрались в Кремлевском кабинете у Сталина. Он выглядел очень подавленным, потрясенным. Обманул-таки подлец Риббентроп, несколько раз повторил Сталин. Все пришли к выводу, что необходимо выступить по радио. Предложили это сделать Сталину. Но он сразу же наотрез отказался. Сталин был в таком подавленном состоянии, что действительно не знал, что сказать народу... На следующий день Молотов предложил ехать к Сталину, чтобы решить все эти вопросы. Молотов, правда, сказал, что у Сталина такая прострация, что он ничем не интересуется... Увидев нас, он буквально окаменел. Голова ушла в плечи, в расширенных глазах явный испуг. (Сталин, конечно, решил, что мы пришли его арестовывать)...»

«Эластичный» Микоян, ненавидевший Сталина и пресмыкавшийся перед ним, так мог говорить. Но Куманев как историк, которому ко времени публикации «воспоминаний» Микояна было известно, что он лжет, обязан был снабдить публикацию своим комментарием. Но в книге Куманева нечто подобное говорит и В. М. Молотов: «Ведь Сталин был живой человек, и на какое-то время неожиданные события его буквально потрясли и ошеломили. Он в самом деле не верил, что война так близка». Молотов этого не говорил Куманеву. В противном случае надо допустить, что в многочисленных беседах с писателем Ф. И. Чуевым он говорил неправду. А Молотов свидетельствовал, что Сталин «не был наивным человеком, не был таким простодушным простаком, что его всякий мог...», что они, конечно, «знали, что к этой войне надо быть готовым в любой момент, а как это обеспечить на практике?», что «все эти дни и ночи, он, как всегда, работал, некогда ему было теряться или дар речи терять».

Отсчет военного времени обычно ведется с вечера 21 июня – с того часа, когда в кабинете Сталина было решено дать директиву военным советам западных военных округов. Незадолго до совещания – за полчаса, за час? – Жукову позвонил начальник штаба Киевского военного округа М. А. Пуркаев и доложил о перебежчике, который утверждал, что немецкое наступление начнется утром 22 июня. Жуков немедленно сообщил о звонке Сталину. Последний вызвал его и наркома С. К. Тимошенко в Кремль...

Согласно записям в «тетрадах» дежурных секретарей Сталина они вошли в его кабинет в 20 час. 50 мин. О Тимошенко можно сказать, что он вернулся: нарком находился у председателя СНК с 19 час. 05 мин. до 20 час. 15 мин. У Сталина уже собрались Молотов, К. Е. Ворошилов, Л. П. Берия, Г. М. Маленков. До них Сталин принял Н. А. Вознесенского, Кузнецова (видимо, наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова) и И. А. Сафонова, начальника мобилизационно-планового отдела Комитета Оборона при СНК СССР. Одновременно с Тимошенко и Жуковым пришел С. М. Буденный, а около 10 вечера – Л. З. Мехлис.

А что было до этих часов? Днем Сталин принял московских руководителей А. С. Щербакова и В. С. Пронина и приказал им задержать секретарей райкомов на рабочих местах. «Возможно нападение немцев», – объяснил он, об этом пишет адмирал Кузнецов со слов Пронина. О том, что Сталин на встрече с Щербаковым и Прониным предупредил их о возможном нападении немцев, свидетельствует и управляющий делами СНК Я. Е. Чадаев. Около 7 вечера ему об этом рассказал Н. А. Поскребышев, заведующий особым сектором ЦК КПСС, канцелярией Генерального секретаря ЦК партии и личный секретарь Сталина. Он же сказал Чадаеву, что «хозяин... только что разговаривал с Тюленевым. Спрашивал у него, что сделано для приведения в боевую готовность противовоздушной обороны». Адмирал Кузнецов так же пишет, что И. В. Тюленев, бывший в те дни командующим Московским военным округом, сообщил ему об этом разговоре. А днем было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о создании группы резервных армий, передислоцированных в мае-июне в западные районы из внутренних регионов в порядке подготовки к отражению немецкой агрессии.

На Политбюро было также заслушано сообщение НКО СССР о состоянии противовоздушной обороны. На заседание вызывались и некоторые руководители наркоматов оборонных отраслей промышленности. Все они получили указание о принятии дополнительных мер по выпуску военной продукции. Запись посетителей кабинета Сталина 21 июня заканчивается фразой: «Последние вышли – 23.00».

Определить с большей точностью, когда Сталину сообщили о начале войны, пока невозможно. Доподлинно даже неизвестно, что делал Сталин в четыре утра – время, когда, считается, началась война. Разговоры о том, что он в эти минуты спал, как и информация об обсуждении директивы, получила распространение после публикации мемуаров Жукова «Воспоминания и размышления». Он пишет, что около четырех утра по приказу наркома обороны позвонил на дачу Сталина: «К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Нако-

нец слышу сонный голос дежурного генерала... Минуты через три к аппарату подошел И. В. Сталин».

Однако по воспоминаниям наркома Военно-Морского Флота Кузнецова Сталин узнал о нападении Германии на Советский Союз несколько раньше, даже раньше, чем ему сообщил о нем начальник Генерального штаба. Адмирал рассказывал, что, получив сообщение о бомбардировке Севастополя, он «немедленно взялся за телефонную трубку и доложил Сталину о том, что началась война. Через несколько минут мне позвонил Г. М. Маленков и спросил: Вы представляете, что Вы доложили Сталину?

– Да, представляю. Я доложил, что началась война!

Вслед за этим позвонил Тимошенко Он не был удивлен. Видимо, был подготовлен к этому».

К сожалению, ситуацию тех предутренних часов различно описывают не только разные авторы, но и одни и те же. Информацию о телефонном звонке наркома ВМФ Кузнецова Сталину я взял из интервью адмирала, которое он дал Куманеву в 1973 году. Куманев опубликовал его в книге «Рядом со Сталиным». Но Кузнецов и сам написал книгу. В полном объеме она вышла лишь после его смерти (он умер в декабре 1974 года), но в предисловии к ней есть фраза, которая говорит, что над воспоминаниями о первых днях войны автор работал в 1966 году: «И сейчас, четверть века спустя, я отчетливо помню трагический вечер и ночь на 22 июня 1941 года».

Как следует из самих воспоминаний, эпизод о звонке Сталину в его памяти не сохранился. Больше того, Кузнецов пишет, что он не разговаривал со Сталиным. Звонил, но не дозвонился до него. В 3 часа 15 минут он позвонил в кабинет Сталина. Дежурный ему ответил, что Сталина нет, а где он ему неизвестно. А на слова наркома том, что у него для Сталина сообщение исключительной важности, ответил, что ничем помочь не может. После разговора с дежурным в Кремле Кузнецов позвонил коллеге – наркому обороны Тимошенко и рассказал о докладе командующего Черноморским флотом Ф. С. Октябрьского о налете немецкой авиации. Реакция наркома обороны показалась Кузнецову несколько странной, и он спросил: «Вы меня слышите?» «Да, слышу». «В голосе Семена Костантиновича, пишет Кузнецов, не звучит и тени сомнения, он не переспрашивает меня. Возможно, не я первый сообщил ему эту новость.»

Переговорив с Тимошенко, Кузнецов вновь пытается связаться со Сталиным: звонит по разным номерам. «Ничего не выходит», – пишет Кузнецов. И опять звонит в Кремль: «Прошу передать товарищу Сталину, что немецкие самолеты бомбят Севастополь. Это же война!» Дежурный отвечает: «Доложу кому следует». Доложил дежурный о начале войны почему-то Г. М. Маленкову, человеку в партии, как известно, и в то время не последнему, но бывшего тогда только кандидатом в члены Политбюро. Маленков был раздражен и недоволен: «Вы понимаете, что докладываете?» Больше Кузнецову никто не позвонил, поэтому в 10 часов он поехал в Кремль. «Кругом было тихо и пустынно. Не застав никого в Кремле, вернулся в наркомат», – вспоминал о том дне адмирал.

Какому Кузнецову можно верить? Тому, который давал интервью Куманеву? Или тому, который написал книгу? Не знаю. После того, как я прочитал воспоминания флотоводца, из которых временами ложь просто выпирает, мне не хочется верить ни тому, ни другому.

А бывший сотрудник правительственной охраны А. Т. Рыбкин в своих воспоминаниях приводит рассказ шофера Сталина П. Митрохина. По его словам, «в 3.30 22 июня я подал машину к подъезду дачи в Кунцеве. Сталин вышел в сопровождении В. Румянцева какой-то тяжелой походкой, тяжело дыша через нос. Это был выходной день, но Сталин еще не ложился спать». Рассказ водителя Рыбкин дополняет свидетельством одного из сотрудников личной охраны Сталина П. Лозгачева: «В 3–40 Сталин появился в Кремле. Впереди его шел Петр

Горундаев. Сразу погасили в Кремле уличное освещение. Вскоре появились С. Тимошенко и Г. Жуков».

Несколько иначе рассказывал о той ночи писателю Ф. И. Чуеву Молотов. По его воспоминаниям члены Политбюро собрались у Сталина около двух ночи, а немецкого посла Шуленбурга он «принимал в пол-третьего или в три ночи, думаю, не позже трех часов... И Жуков с Тимошенко прибыли не позже трех часов. А то, что Жуков это относит ко времени после четырех, он запаздывает сознательно, чтобы подогнать время к своим часам. События развернулись раньше». А члены Политбюро находились у Сталина, между прочим, еще до звонка посла... Молотов по поводу попыток Чуева внести полную ясность в этот вопрос сказал: «Что вы держитесь за пустяковую часть этого дела? Все, конечно, интересно, и эти детали можно уточнить, но они не имеют значения». Кстати, в «дневнике Молотова» существует запись его беседы с немецким послом с точным указанием времени: «Прием германского посла Шуленберга 22 июня 1941 г. в 5 час. 30 мин. утра». Только вот в чем заковыка: запись в своем дневнике Молотов даже... не видел, о чем и свидетельствует надпись на документе старшего помощника наркома иностранных дел С. П. Козырева: «тов. Молотов не смотрел».

Молотов, как будто, прав: ну какое принципиальное значение может иметь точное время звонка Жукова Сталину, время приема Молотовым германского посла, эти минуты, ну, час-другой... «Пустяковая часть» продолжавшейся 1418 дней и ночей войны... Однако, оказалось, имеет. Именно несовпадения деталей в воспоминаниях людей, тех же Жукова и Кузнецова, других, которые что-то знали, что-то делали, что-то слышали или что-то говорили в те дни, несоответствие некоторых их рассказов записям в так называемых «тетрадах», как иногда называют журналы учета посетителей Сталина, «антисталинисты» используют для того, чтобы навести тень на Сталина в те рассветные часы.

Да что часы! Под сомнение ставится, с явным утвердительным уклоном, даже само нахождение Сталина в Москве в первую неделю войны! Он-де в эти дни в Сочи пребывал, где должен был встретиться с представителем... Гитлера. Это что, бред психически ненормального человека? Возможно. Злобный антисоветизм может лишить и разума. Один антисоветчик, Джеймсом Форрестолом звали, так перепугался русского нашествия (а, между прочим, был в Америке военным министром), что и лечение не помогло: выбросился из больничного окна. Американскому психу не удалось никого убедить, в том, что русские пришли в Вашингтон. Удалось ли российским форрестолом убедить колго-либо из своих читателей и слушателей в том, что Сталин поехал на Кавказ встречаться с представителем фюрера не знаю, но убеждают старательно. И доказательств у них – тьма! Такие, например: если бы Сталин был в Москве, то его соратники должны были поступить так-то; если бы Сталин был в Москве, то он должен был сделать то-то и то-то... Молотов говорил, что Сталин принимал участие в редактировании его выступления по радио 22 июня, а сталинской правки на тексте нет!.. Значит, Сталин не редактировал его?

Обнаруженный текст выступления Молотова написан от руки. А Сталин мог внести правку в отпечатанный экземпляр. Он вообще мог ничего не писать, а редактировать, так сказать, в устной форме.. Именно так обычно писали и вычитывали материалы соавторы: один держал в руках ручку и писал, а второй что-то наговаривал, уточнял, дополнял... Не понимают этого что ли «исследователи»? Если сошли с ума, то не понимают, конечно, но, думаю, хорошо сознают, что делают.

Это еще не все «доказательства». Сталин, как вроде бы вспоминал управляющий делами Совнаркома Я. Е. Чадаев, сказал Молотову в его кабинете: «Ты хорошо говорил». А ведь Сталин видел Молотова еще раньше в своем кабинете и тогда же дал оценку его выступления. А поверить Чадаеву, так получается, что Сталин после возвращения Молотова в Кремль, ничего ему не сказал. Такого просто не могло быть! И не мог Сталин оставить в своем кабинете посетителей и пойти к Молотову. Вот такие доказательства...

После прибытия Тимошенко и Жукова к Сталину, разумеется, сразу началось обсуждение сложившейся ситуации. Из воспоминаний Жукова можно понять, что первое решение было принято по его инициативе: дать войскам директиву задержать противника. С 5 час. 45 мин. до 16 час.45 мин. в кабинете Сталина побывало 29 посетителей. Некоторые из них – Молотов. Жуков, Маленков, Микоян, А. Я. Вышинский, Тимошенко приходили к Сталину дважды, а Берию, Ворошилова и Кузнецова он принял даже трижды. Кроме них, Сталин принял Мехлиса, Л. М. Кагановича, Г. Димитрова, Д. З. Мануильского, Б. М. Шапошникова, Н. Ф. Ватутина, Г. И. Кулика.

В 12 часов дня (в сборнике документов ФСБ, о котором говорилось в начале очерка, утверждается – в 12 часов 15 минут) по радио выступил Молотов. В этот же день было объявлено о введении военного положения в Украинской, Белорусской, Карело-Финской, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР и в северных, центральных и южных областях РСФСР. Этот Указ – всего лишь перечисление регионов. Но стоит ли сомневаться, что их перечень согласовывался со Сталиным? Однако в тот день Президиум Верховного Совета СССР принял еще один Указ – «О военном положении». Это был очень серьезный правовой документ, он затрагивал некоторые конституционные права граждан. Такой Указ без обсуждения с Сталиным принят быть не мог. Что это так, подтверждает даже Микоян.

Каганович говорил о той ночи Чуеву: «Сталин каждому из нас сразу же дал задание – мне по транспорту. Микояну по снабжению». А какие задания он дал другим? Ясно, что они получили задания, связанные с их прямыми обязанностями.

Нетрудно заметить, что Сталин принимал в этот день высших партийных, государственных и военных деятелей. Но он сделал одно исключение, приняв двух человек, не занимавших никаких государственных постов, а один из которых даже не являлся членом ВКП(б). Утром, в 8 час. 40 мин. он встретился с Димитровым и Мануильским. С 1935 года Димитров являлся Генеральным секретарем Коминтерна, а Мануильский в июне 1941 года – представителем ВКП(б) в Коминтерне и секретарем его Исполкома. Можно предположить, что Сталин говорил с ними о том, что может сделать Коминтерн, т.е. мировое коммунистическое движение и коммунисты-эмигранты, находящиеся в СССР, для борьбы с фашизмом? Несомненно. Это подтверждают дальнейшие события: привлечение к борьбе с оккупантами членов компартий европейских стран.

Что еще точно известно о том, чем занимался Сталин 22 июня? Днем он дал Чадаеву поручение подобрать «группу расторопных работников», которые должны разработать предложения по эвакуации населения, предприятий и другого имущества на восток. В течение дня разговаривал по телефону с наркомом обороны, с начальником Генерального штаба, с командующим Западным фронтом Д. Г. Павловым, дважды звонил Первому секретарю ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко, первый раз – в 7 утра, второй раз – около 12 дня. Разговор шел о перестройке республиканской партийной организации, всей Белоруссии на военный лад. Днем Сталин сразу же спросил Пономаренко: «Что вы можете сказать о военной обстановке? Что делает и как себя чувствует товарищ Павлов?». Пономаренко ответил, что «командующий загружен до отказа и, пытаясь решить сотни вопросов и дел, ...не сосредотачивается на главных вопросах руководства». Он попросил Сталина «прислать в штаб фронта одного из авторитетных Маршалов Советского Союза». Сталин ответил, что он уже думал об этом, и сегодня к ним выезжает Маршал Шапошников. А около 13 часов Сталин позвонил Жукову и приказал ему вылететь на Юго-Западный фронт с такой же, как у Шапошникова, задачей – оказать помощь командованию.

В Киеве, как пишет Жуков, его ждал Хрущев. И тут уместно задаться вопросом, даже двумя. Кто это в Москве мог приказать члену Политбюро ЦК ВКП(б) Хрущеву ждать начальника Генерального штаба, а потом лететь вместе с ним в Тернополь? Кто, кроме Сталина? И если Сталин 22–23 июня трижды разговаривал с руководителем Белорусской партийной орга-

низации, то мог ли он за все первые дни войны ни разу не позвонить руководителю Украинской организации? Мог ли этот руководитель ни разу не позвонить Генеральному секретарю ЦК ВКП(б), чтобы доложить об обстановке на Украине? Чтобы руководитель коммунистической партии и правительства страны и руководитель коммунистической партии республики, подвергшейся нападению врага, ни разу не созвонились! Такое могло быть? Совершенно невероятная ситуация! Так что знал этот самый высокопоставленный клеветник, что Сталин был в Кремле, работал.

23 июня рабочий день Сталина начался около трех часов утра. Во всяком случае, в 3 час. 20 мин. к нему уже зашел Молотов. Утром он также принял Ворошилова, Берию, Тимошенко, Ватутина, Кузнецова, Кагановича. В половине пятого – П. Ф. Жигарева, командующего ВВС Красной Армии.

Вечером и ночью Сталин опять встречается с Молотовым, Жигаревым, Тимошенко (дважды), Ворошиловым, Мехлисом, Кагановичем, Ватутиным, Кузнецовым (наркомом ВМФ), Берией. Из новых посетителей – Вознесенский, первый заместитель председателя СНК и председатель Госплана, который утром 22 июня провел совещание со своими заместителями и наркомом и предложил им «в течение суток разработать план максимального увеличения производства вооружения для армии, учитывая, что мобилизационные планы, подготовленные заранее, всем известны». Сталин принял Вознесенского около 9 вечера, когда наркомы и работники Госплана уже представили его руководителю свои предложения. Конечно, они и обсуждались на встрече. Последние посетители этого рабочего дня покинули сталинский кабинет 24 июня, в 1 час. 25 мин.

В последующие июньские дни Сталин по-прежнему продолжает принимать военных и высших партийных и государственных деятелей. Но среди посетителей – все новые и новые лица. Круг посетителей опять дает нам возможность представить, какие вопросы рассматривал Сталин. Первым 24 июня, в 16 час. 20 мин., он принял В. А. Малышева, своего заместителя по СНК, курировавшего тяжелое машиностроение. В одно и то же время с ним он принимает ленинградцев – второго секретаря Ленинградского обкома А. А. Кузнецова, директора Кировского машиностроительного завода И. М. Зальцмана, директора Ижорского завода М. Н. Попова и наркома тяжелого машиностроения Н. С. Казакова. Позже встречается с наркомом авиационной промышленности А. И. Шахуриным, начальником НИИ ВВС Красной Армии и заместителем начальника Главного управления ВВС И. Ф. Петровым, начальником Транспортного управления наркомата заготовок С. И. Супруном. Более часа в кабинете Сталина находился Ф. И. Голиков, начальник Главного разведывательного управления, заместитель начальника Генерального штаба РККА. Последний, в 9 часов вечера, посетитель – первый секретарь Ленинградского обкома А. А. Жданов. Известие о начале войны застало его на отдыхе. По пути в Ленинград он, конечно, не мог не встретиться с Сталиным.

Следующая запись в «тетрадах» – за 25 июня: в час ночи к Сталину пришел Молотов. Получается, что после встречи с Ждановым до прихода Молотова Сталин отдыхал не более двух с половиной часов. Хозяин покинул свой кабинет, вероятно, около 6 часов утра. Хотя правильнее сказать, что около этого часа ушли последние посетители: Тимошенко, Кузнецов, Ватутин, Молотов и Берия. Сталин мог работать в Кремле и один. Вторая запись от 25 июня сделана в 19 час. 40 мин. К Сталину вновь пришел Молотов. Всего у Сталина состоялось в тот день 29 встреч. 26 июня – 28 встреч, 27 июня – 30, 28 июня – 21 встреча. У него в кабинете в эти дни, как правило, – все те же, с кем он встречался 22–23 июня. Помимо них он принимает наркома связи И. Т. Пересыпкина, т. Соколова (вероятно, начальника Главного управления пограничных войск Н. Г. Соколова), начальника Главного автобронетанкового управления Красной Армии Я. Н. Федоренко, начальника Управления военных сообщений Красной Армии И. В. Ковалева, начальника Главного артиллерийского управления Красной Армии Н. Д. Яковлева, вероятно, заместителя начальника ВВС по тылу Н. А. Соколова–Соколенко (фамилия в жур-

нале написана неразборчиво), начальника управления заказов Главного управления ВВС Ф. И. Жарова, заместителя начальника управления запасных авиаполков по боевой подготовке А. В. Никитина, заместителя начальника 1-го управления Главного управления ВВС по летной подготовке Ф. В. Титова, первого заместителя наркома авиационной промышленности П. В. Дементьева, заместителя начальника 3-го отдела по летной подготовке НИИ ВВС Красной Армии А. И. Кабанова, летчика-испытателя П. М. Стефановского, командира 401-го истребительного авиаполка особого назначения С. П. Супруна (погибшего через несколько дней в воздушном бою). 28 июня Сталин принял также заместителя председателя Совнаркома СССР, председателя Госбанка СССР Н. А. Булганина и наркома вооружения Д. Ф. Устинова. Последним он принял в 24 часа наркома государственной безопасности СССР В. Н. Меркулова, беседа продолжалась недолго – 15 минут. Но кто-то, видимо, работники аппарата Совета Народных Комиссаров, еще заходили в кабинет Сталина. Запись в «тетради» за 28 июня заканчивается словами: «Последние вышли в 00.50», то есть 29 июня.

На этой дате временно, на два дня, обрываются записи в «тетрадах посетителей» сталинского кабинета. Этот перерыв вдохновил клеветников на новые инсинуации. С энтузиазмом новобранца, мечтающего о ефрейторской лычке, за разработку «новой жилы» взялся трехзвездный генерал-доктор двух наук Волкогонов, который от лейтенанта дослужился до генерал-полковника. После окончания военного училища он получил должность инструктора по комсомольской работе политуправления Приволжского военного округа. И с 1954 года по 1988 год занимался коммунистическим воспитанием солдат и офицеров Советской Армии, ни одного дня за эти годы не прослужив на должностях, связанных непосредственно с работой с личным составом. И писал. И как писал! «...самые великие герои в человеческой истории – вожди мирового пролетариата». Это в 1985 году. А это в 1987 году, в книге «Оружие истины»: «Подлинными Прометееями разума стали классики научного социализма К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. Зарница их мысли открыла и высветила... пути освобождения трудящихся от социальной несправедливости...». Разве обычный философ мог написать такие строчки? Это поэт среди философов!

Года через три доктор философии и истории объявил, что принялся писать «честную книгу» о В. И. Ленине. И написал, даже в двух томах. В одном из которых сообщил читателям, что его «всегда поражала способность Ленина к бездумному экспериментированию, имея на руках как предмет бредовых идей классы, государство, народы, армию». О том, как в двух томах этот приспособленец «разоблачал» В. И. Ленина, можно написать два тома, разоблачающих методы и способы клеветы, которыми Волкогонов занимается на протяжении сотен страниц. И хотя это выходит за тему очерка, однако дать несколько штрихов к портрету сего «исследователя» деятельности Сталина мне показалось необходимым.

Надо сказать, что клеветой на Сталина Волкогонов стал промышлять еще в годы советской власти. Перед самым разрушением СССР он в Академии общественных наук защитил докторскую диссертацию «Сталинизм: сущность, генезис и эволюция». Видимо, «открытия», которые философ сделал на ниве истории, стали основой для его вышедшей в 1989 году книге о И. В. Сталине «Триумф и трагедия». Однако ни книга, ни тем более диссертация не имели широкой аудитории. Ее он получил, став научным комментатором фильма «Монстр», показанного по российскому телевидению в декабре 1992 г. Тогда не один десяток миллионов граждан России и ближнего зарубежья узнали новые подробности якобы постыдного поведения вождя в первые дни войны.

Но ученый генерал, видимо, в какой-то момент все-таки сообразил, что после публикации в «Известиях ЦК КПСС» «тетрадей посетителей» морочить головы баснями о том, как Сталин скрылся на Кунцевской даче, узнав о начале войны, нельзя. Эта ложь легко разоблачалась. Однако за 29 и 30 июня записей в них нет, чем Волкогонов и воспользовался. Он объявил, что Сталин, узнав о сдаче 28 июня немцам Минска, устроил разгон высшему военному

руководству, а затем скрылся на даче: впал в прострацию. И «очнулся» – в этом месте Волкогонов сослался на рассказ неназванного им члена Политбюро – только 30 июня, когда к нему пришли члены Политбюро с просьбой занять пост председателя Государственного комитета обороны. Волкогонов, со слов этого неизвестного члена Политбюро, рассказал телезрителям, что соратники застали Сталина подавленным, растерявшимся, решившим, что они приехали его арестовывать.

Составители упоминавшегося выше «Сборника документов» отметили, что Волкогонов не счел нужным сообщить, откуда он почерпнул эти сведения, кто этот таинственный член Политбюро? Действительно, дважды ученый умалчивает об источнике крайне важной информации. Почему бы это?

Есть два члена Политбюро, якобы ставшие свидетелями растерянности и страха Сталина и рассказавшие потом об этом другим: Микоян и Берия. Последний вроде бы и сообщил Хрущеву о поведении Сталина. Конечно, для Хрущева, по инициативе которого Берия быстро отправили на тот свет, бывший приятель был надежным источником. В том смысле, что опровергнуть с того света ничего не мог.

У Хрущева этот эпизод хронологически изложен неопределенно. «Когда началась война, Сталин был совершенно подавлен... Он сказал: Я отказываюсь от руководства». В какой-то момент, по словам Берии, он «ушел, сел в машину и уехал на ближнюю дачу». «Мы посоветовались с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, якобы пересказывает Хрущев Берия, и решили поехать к Сталину и вернуть его к деятельности с тем, чтобы использовать его имя и его способности в организации обороны страны». Сталин при виде соратников испугался, вероятно, «подумал, не приехали ли мы его арестовывать...». Соратники стали убеждать вождя, что еще не все потеряно, что еще есть возможность поднять народ на борьбу с Гитлером, «... тогда Сталин вроде опять пришел в себя».

Практически невероятно, чтобы Берия сочинил, а потом рассказал Хрущеву эту байку. Берия уже сразу после смерти Сталина стал выражать недовольство некоторыми действиями покойного вождя, но клеветать-то ему на Сталина какой был смысл!? И следует учесть, что такой разговор мог произойти лишь в марте – в июне 1953 года, до ареста Берии, то есть когда до беспредельной клеветы на Сталина оставалось еще несколько лет.

Но когда Волкогонов решил внести свой вклад «в разоблачения» Сталина, сослаться на воспоминания Хрущева у бывшего заместителя главного армейского воспитателя строителей коммунизма возможности уже не было. О том, что бывший «коммунист № 1» – заурядный клеветник к этому времени не знал только тот, кто не хотел знать. «Когда началась война», Сталин никуда не уезжал, после публикаций «тетрадей посетителей» так врать стало опрометчиво. Поэтому-то он и сослался на безымянного члена Политбюро.

В середине 90-х годов на авансцене исторической науки появился еще один «исследователь». В историки перекалвалифицировался драматург Э. Радзинский, написавший книгу, которую неприятно называл «Сталин». Как и Волкогонов, он использовал ее в цикле телевизионных передач, прошедших по первому каналу осенью – весной 1996–1997 гг.; писатель Бушин назвал их «Театром одного павлина».

Разумеется, новоявленный историк не мог пройти мимо событий последних дней июня 1941 года. Описывает он их с помощью, как утверждает, обнаруженной им в секретном фонде Архива Октябрьской революции рукописи Чадаева и своих комментариев к ней. Воспоминания Чадаева, якобы, помогли Радзинскому понять поведение Сталина. Но в цитируемых Радзинским строчках из «засекреченных» воспоминаний Чадаева нет никакой информации, которая не была бы известна из других источников. Однако в них есть весьма подозрительные «неточности», которых нет в воспоминаниях Чадаева, опубликованных Куманевым, помогавшему Якову Ермолаевичу готовить их к печати. И не могло быть!

В цитируемых Радзинским «воспоминаниях» Чадаева есть, например, фактическая ошибка, скорее, невежественная глупость, которую не мог сделать управляющий делами правительства. Собиратель сплетен и слухов драматург ее мог допустить, а человек, проработавший с Сталиным много лет, привыкший к тому, что в документах нельзя допускать неточности, небрежности, не мог. Я называю Радзинского «невежественным» не для того, чтобы его как-то оскорбить. Он такой и есть. Ну какой историк, нет, какой мало-мальски грамотный человек может написать, а Радзинский написал: «Вместо Тимошенко Сталин делает наркомом Жукова». Не «делал» Сталин Жукова наркомом никогда.

Не был в первые дни войны, как утверждает Радзинский, особенно близок к Сталину Василевский. До начала августа 1941 года Василевский только один раз на станции метро «Кировская» видел Сталина. Об этом он пишет в своих воспоминаниях «Дело всей жизни».

С именем Василевского связано и очередное проявление Радзинским своего невежества. Бывший драматург «цитирует воспоминания» Чадаева: «В завершение по телефону он позвонил заместителю начальника Генерального штаба Василевскому...». Не звонил Сталин 24 июля заместителю начальника Генштаба Василевскому. По той причине, что эту должность занимал Ватутин. Но если «правдоискатель» Радзинский «назначил» Жукова наркомом обороны СССР, на должность, которую после Тимошенко занимал сам Сталин, то назначить первого заместителя начальника оперативного управления Генштаба Василевского на должность заместителя начальника Генштаба для него совсем уж плевое дело. Но не для бывшего управляющего делами Совнаркома СССР. Впрочем, о том, что до конца июля Василевский служил в Оперативном управлении, знают все любители отечественной истории.

И еще одна небольшая иллюстрация приемов Радзинского. Не знаю, почему ему потребовалось сочинять «записки» Чадаева? Скорее всего, потому что в опубликованных воспоминаниях Молотова, Жукова и Микояна нет «фактов», которые потребовались драматургу для вящей убедительности своих читателей? Возможно. А для этого Радзинскому потребовалось сделать Чадаева свидетелем разговоров, которые велись в кабинете руководителя партии и правительства. Что он и сделал, уверяя читателей, что в первую военную ночь Чадаев находился в кабинете Сталина. И сделал, надо отдать ему должное, хитро. Он написал, что Сталин поручал Чадаеву вести краткие записи всех заседаний Правительства и Политбюро, проходивших в его кабинете. Отсюда читатель должен сделать вывод, что все записи Чадаева – это свидетельства человека, присутствовавшего в кабинете Сталина и в утренние часы 22 июня. Однако – вот штука! – ночью и утром 22 июня Чадаев в кабинет председателя Совнаркома даже не заходил. Это прямо следует из его интервью Куманеву. Кстати, из подлинных воспоминаний Чадаева следует, что он действительно присутствовал на заседаниях бюро Совнаркома (Совмина), но о своем участии в заседаниях Политбюро не упоминает.

Но Радзинский и от себя описывает в виде комментария, как встретил войну Сталин. И вот как это он делает. Чадаев пишет (допустим, что это он пишет): Тимошенко доложил, что «нападение немцев следует считать свершившимся фактом». Затем драматург живописует с каким трудом говорит Сталин. Наконец, он предлагает Молотову связаться с Берлином и немецким посольством. Душевед-драматург утверждает: «Он еще цеплялся за надежду: а может, все-таки провокация!». Это самый излюбленный прием Радзинского: объяснять, о чем думал в тех или иных обстоятельствах Сталин. Молотов и Жуков говорят лишь об указании Сталина позвонить в посольство. А Микоян вообще умалчивает об этом эпизоде. Ну, даже если Сталин и сказал, что надо связаться с Берлином, то что из этого следует? Ведь глава правительства еще действительно не знает, что началась именно война, а не какие-то крупные провокации армейских начальников. Далее Чадаев у Радзинского пишет: «Политбюро утвердило обращение к советскому народу. В 12 часов его зачитал Молотов». Душевед тут же комментирует: «Он выставил Молотова вперед: он подписывал пакт – пускай и расхлебывает. А пока вместе составляют обращение к народу – два партийных журналиста...». Но Радзинскому

известно, что «оба» они ничего не «составляли». Он ниже цитирует Молотова из книги Чуева, который рассказывает автору, как писалось и редактировалось обращение. Конечно, историк Радзинский, получавший, как и другие «демократы», политическое образование на кухне, не в состоянии понять мотивов сталинского решения, хотя и знает о них. Но драматург Радзинский не может не видеть разницы между выступлением Молотова 22 июня и выступлением Сталина 3 июля. И не может не понимать, что с такой речью 22 июня Сталин выступить не смог бы.

Когда я читаю и слушаю этих радзинских, у меня из головы не выходит один и тот же вопрос: действительно ли они своими убогими мозгами не могут понять, что люди, о которых они пишут и говорят, признавали свою ответственность за судьбу социалистического государства, за судьбу советского народа и думали о том, как противостоять врагу, а не о своих личных интересах Или все и всё понимают?

«Страна ждет выступления всезнающего бога, а бог пока молчит, ждет, – объясняет Радзинский читателям, – что будет на фронтах. И подыскивает первых виновных.» Ну да, хороших вестей с фронтов нет, делать руководителю партии и главе правительства нечего и он, пользуясь затишьем, думает, на кого бы свалить вину за первые поражения. Через 8 строчек Радзинский сообщит читателям: к вечеру Сталин нашел первого виновного – командующего Западным фронтом Павлова. Как же об этом узнал душевед? Да опять же из «воспоминаний» Чадаева. Вечером Сталин (между прочим, вечером он находился на даче, что и управляющего делами он взял с собою? – **авт.**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.